

было много разного оружия, а изнутри сияла светлая заря. Внутри, в пещере сидел муж, находящийся в последней нищете, перед ним на высоком камне стоял некто красивый и высокий и угощал его вином из чаши. И царь, призвав к себе друзей и советников, сказал им: «О чудо, друзья мои! Видите, как в бедной и потаенной этой жизни веселятся честнее, чем в нашей державе, и светлее внешнего сияет внутреннее!»

Толкование же Кирилла таково: город есть человеческое тело. Люди в нем — чувственные органы: слух, зрение, обоняние, осязание. Царь — ум, управляющий всем телом. Советники и друзья царские — житейские мысли. Оружием Кирилл, вслед за апостолами, называет пост, молитву, воздержание, не многие люди пользуются этим оружием.

Тревога и волнения в городе — это напасть, нечаянная для человека: потоп, мор, болезнь, и тогда мысли житейские отступают и страх вселяется в человека.

Гора же — монастырь, полный оружия духовного против дьявола и напастей, пещера глубокая — церковь монастырская, а муж внутри — все монашество. Обличено оно в худое рубище, и украшения всякие отвергает своим уставом. Перед иноками — высокий человек — Христос, Сын Божий, потому и высок, стоит на твердом камне веры и подает всем святое причастие — кровь и плоть свою. Вот она жизнь монашеская — бедная, потаенная, внутренние добродетели иноков сияют сильнее мирской власти, и пред ними склоняют головы мирские владыки.

В молитвах, которых до нас дошло около тридцати, речи писателя становятся еще более естественными, простыми и понятными. Тот же Е.Е. Го-лубинский замечает, что молитвы Ки-

рилла — явление замечательное, подлинный шедевр ораторского искусства, подобный лучшим греческим образцам. Во многих рукописных сборниках молитвы Кирилла Туровского расположены по порядку дней